

НАМ ОСТАЕТСЯ БЫТЬ БЛАГОДАРНЫМИ

То было в скорбное время, когда вдруг сразу, так больно и неожиданно опустела наша профессиональная балетная сцена. Еще свежи были и боль утраты, и отчаяние (увидят ли когда-нибудь стены старейшего театра оперы и балета им. Айни вторую такую Малику), как театральная афиша вновь позвала на балет. «Лейли и Меджнун». Для меня это был ее спектакль, и я по возможности старалась не упустить случая, когда она танцевала в нем. Тоска по тем счастливым вечерам снова привела в театр. Впервые — без нее. То же фойе с портретами ведущих артистов, та же лестница с ковровой дорожкой, та же таинственность опущенного занавеса. Все — то же, и все — уже не то. Горький ком стоял в горле.

Чаша Малика. Так называли ее в родной республике, так назвали кинодокументалисты и один из фильмов, в котором сняли прославленную балерину. В дни, когда скорбела вся республика, одна из центральных газет сообщила о кончине выдающейся советской балерины М. Сабировой. Сотни людей проводжали Малику в ее последний путь. Любимую ученицу хоронили и прославленная Галина Уланова. Кто мог подумать в те дни, что вокруг имени рано ушедшей от нас Малики разгорятся конфликты, которых она вовсе не заслужила. Вначале была бездумная публикация в «Комсомолке», запомнившаяся тем, что ее автор не пощадила светлой памяти М. Сабировой. Позже начались мытарства родных покойной, связанные с традиционными хлопотами.

В мае 1984 года состоялось открытие мемориальной доски на доме, где жила в последние годы М. Сабирова. Во время церемонии к ее отцу подошел председатель горисполкома (теперь уже бывший), представился и одарил своей благосклонностью: «...по всем вопросам, если будет необходимость, в любое время приму вас вне очереди». Необходимость в содействии городской власти возникла сразу же в связи с установкой надгробного памятника. Нет средств у нас, сказали в гор сполкоме, мы можем выделить лишь немногим более трех тысяч рублей. Отец и мать предложили: мы добавим сколько нужно, только бы памятник был хороший. Можно ли винить их за то, что на могиле дочери хотели видеть отражение той всенародной любви, которая окружала Малику при жизни.

Место захоронения родной артистки СССР М. Сабировой — это уже, хоть и печальная, но — достоприме-

тельность столицы. Сюда приходят — побыть наедине с собой — люди, которым дорога память. В пантеоне знатных людей Таджикистана туристы, Галина Уланова просит родителей Малики написать ей, какой памятник установили они дочери и нельзя ли получить его снимок.

Но положение с надгробным памятником сложилось такое, что А. Сабирову пришлось отстаивать право на достойное увековечение памяти дочери. Абдурахим Джалилович обратился с официальным письмом в городской комитет партии и к новому руководству Душанбинского горисполкома. То, что сооружено на могиле М. Сабировой, никак не назовешь воплощением благодарной памяти тех, кому она щедро дарила радость. Прошу обратить внимание на работу, которая у многих вызывает искреннее недоумение, писал отец. Жена его умерла, так и не увидев достойного ее дочери памятника. Понимая, как мало отпущено человеку в его возрасте, он спешит убедить городские власти, что его отцовская забота никак не идет вразрез с интересами республики. Дочь его достойно носила звание народной артистки СССР, была любима народом. Значит, не частная это забота — увековечение ее памяти. Почему сумма затрат на надгробный памятник завышена? Прошу обратить на это ваше внимание. Так я поняла суть письма Абдурахима Джалиловича.

Ответ он получил за подписью заместителя председателя Душанбинского горисполкома М. Саидовой. В нем — никаких отступлений от ледово-официального тона, будто заявитель не живая ниточка, связанная с именем нашей прославленной балерины.

«...В месте захоронения М. Сабировой предполагается

сделать аллею захоронений знатных людей с сооружением надгробных плит, архитектурное и скульптурное решение которых будет единым (вот почему не приняли от родителей деньги на памятник — Т. Х.). Для сведения сообщаем, что контролером-ревизором КРУ Минфина Таджикской ССР была произведена проверка правильности применения расценок и затрат по выполненным работам; и нарушений при этом не обнаружено».

Единое архитектурное и скульптурное решение... Когда и кто вынес это решение? На каком уровне обсуждался этот вопрос? И хотя официально решения не было, никто не пытался поставить под сомнение эту идею.

А было так. Первоначально эскизный проект надгробного памятника с бюстом М. Сабировой исполнили скульптор К. Джумагазин и архитектор М. Негматов. Общая сумма авторского вознаграждения им за работу составила полторы тысячи (это при ограниченных средствах на памятник). Не стоило бы вспоминать об этих деньгах, если бы позже компетентные инстанции не пришли к выводу о необходимости... заново переделать надгробный памятник М. Сабировой. Потому что (цитирую документ): «...фактически исполненный памятник надгробия... имеет отклонения от проекта». Вместо целой мраморной плиты четыре сбегающих куска красного мрамора. К тому же объем выполненных работ был завышен на 471 рубль. Если бы это отступление сработало на конечный результат! Но не использовал право авторского надзора Р. Каримов, сподобный архитектор, на котором вовсе не случайно остановились при выборе автора надгробного памятника. Не сказать, чтобы Рустаму Джалиловичу самому нравился созданный им проект... Руки были связаны мизерной суммой, признается автор, и хотя довод этот нельзя не учитывать, все же, думается: нехватку денежных средств могли бы компенсировать высокий профессионализм автора, лауреата Государственной премии СССР, и благодарная память о человеке, и ныне живущем в сердцах соотечественников.

Оставим на совести долж-

ностных лиц (и бывших, и нынешних) из горисполкома и специальных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры то мертвое сооружение, что видят сегодня душанбинцы и гости столицы на могиле М. Сабировой. Центральная печать уже однажды вопрошала по этому поводу. Разве память не обязывает нас быть более человечными и внимательными к дорогим нам могилам?

Но и сегодня этот печальный уполнок города заставляет краснеть совестливых. Два года, как пустуют могильные холмики Туфы Фазыловой, писателя Фазлиддина Мухаммадиева. Здесь долго не лежат цветы, принесенные теми, в ком жива память о них. Здесь пасется скот, здесь дети приучаются не ценить святыни... Словом, Лучоб — памятник равнодушию. Кого винить в этом? Бывших «больших», которые пожелали три(!) пантеона в нашем небольшом городе? Или тех, кто «поменьше» и не имеет своего мнения? Бывших «ушми», и стала очевидна несостоятельность некоторых их прожектов, возникла необходимость исправлять их волюнтаристские решения. Когда же, наконец, мы вернем себе право голоса в споре с «большими», хотя бы из тех соображений, что ведь и они не боги и могут даже при исключительной честности ошибаться.

В кабинете главного редактора экспертно-художественной коллегии Министерства культуры Г. Сербула мне довелось увидеть эскиз надгробного памятника незабвенному Фазлиддину Мухаммадиеву. На мраморном основании полубюст писателя со скрещенными впереди руками. В одной из них — книга. Порадовалась: с любовью к человеку, его таланту, с чувством признательности ему выполнена эта работа. Но печальны глаза этой памяти — ведь писателя нет уже с нами. Как печальны они у памяти, оставленной нам Маликой Сабировой.

Шесть лет ее уже нет с нами. Проходя мимо дома, в котором когда-то она жила, каждый раз всматриваюсь в мемориальную доску. Высоко висит, трудно прочитать надпись. Как значится в официальном документе, и на ней — печать грубых отступлений от проекта. Со време-

нем стали отчетливо видны места стыка трех частей мраморных плит, из которых сделана мемориальная доска...

Шесть лет... До сих пор ни в одном музее столицы нет экспозиций, рассказывающих о творческом пути балерины, ее блестящих выступлениях на мировой балетной сцене. Только в марте нынешнего года официальные лица повели разговор с Абдурахимом Джалиловичем о том, что хотелось бы иметь республиканскому музею из личных вещей его дочери.

Думается, сейчас самое время поправить эти ошибки. Есть возможность открыть музей-квартиру Малики Сабировой. Множество наград, дипломов, сувениров, дарованных Малике от официальных органов и просто рядовыми зрителями, благодарными ей. Открытие музея-квартиры тем реальнее, что в организации его готов принять самое активное участие Абдурахим Джалилович. Каким будет этот мемориал — пока сказать трудно. Главное — есть хранитель, отец балерины. К тому же всем, кто создает значимость творчества М. Сабировой, как яркой страницы из истории культуры республики, такой музей представляется просто необходимым. Это все реально: поднимаешься по лестнице, по которой возвращалась после вечерних спектаклей уставшая балерина. В комнате, выходящей окнами на широкий проспект, все — о ней. О маленькой девочке, однажды упрямо сказавшей: «Я буду танцевать!». О выпускнице Ленинградского хореографического... О победительнице международных конкурсов артистов балета. Здесь, в музее, возможен был бы и показ документальных кинолент, на которых запечатлена танцующая Малика. Аврора, Жизель, Китри, Одетта-Одиллия, Лейли...

Какие светлые чувства оставила она нам, живым! Скольких из нас ее искусство сделало лучше, чище, добрее, богаче духовно. Теперь — за нами слово. «Мы сделаем ей достойный памятник», — сказал в апреле нынешнего года министр культуры республики Н. Табаров. Достоинство хранить память — это нужно живым. Это и хотелось добавить.

Т. ХЕТАГУРОВА.